

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКАЯ ВѢДОМОСТЬ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 54.

СУББОТА, АВГУСТА 30 ДНЯ,

1858 ГОДА.

ГРАССІНИ.

(Посвящено Е. К. С....и.)

(Окончаніе).

Основавъ имперію, Наполеонъ пежа-
ялъ, чтобы его дворъ окружался всѣмъ
великолѣпіемъ и пышнотою, которыя ха-
рактеризовали гомерическую монархію
Людовика XIV-го. Всѣдствіе того, въ
1804 г., г-жа Грассіни причислена была
къ парижской труппѣ итальянскихъ пѣв-
цовъ, которые должны были служить ис-

ключительно при императорскомъ театрѣ.
Эта труппа первая устроилась во Франції
послѣ революціи 10-го августа; она сос-
тояла изъ Кресшентини, Бреззи, Кривел-
ли, двухъ отборныхъ теноровъ, къ ко-
торымъ позже присоединились Такинар-
ди и г-жа Шаэръ, жена известнаго ком-
позитора, наименованнаго директоромъ
особаго придворнаго оркестра. Г-жа
Грассіни и Кресшентини, давнішніе зна-
комые, какъ мы уже сказали, были лю-
бимыми виртуозами Наполеона, воору-
женными завидною способностію восхи-
щать и даже смягчать и трогать его.
Кресшентини былъ пѣвецъ наибольшаго

достоинства; онъ послѣдній изъ сопранистовъ воспроизвелъ стиль и высокую манеру пѣнія старой школы итальянской. Онъ родился въ 1767 г. близъ Урбино, въ Римскихъ владѣніяхъ. Съ наступленіемъ 1789 г., дебютировалъ въ оперѣ *Дезарь*, и игралъ женскую роль въ костюмѣ, напоминавшемъ собою одежду, которую носили при Версальскомъ дворѣ. Кресцентина занялъ въ Римѣ мѣсто Маркези, отъѣздѣ которого опечалилъ сердце всѣхъ женщинъ-вздыхательницъ вѣчнаго города. Маркези почетенъ былъ такою овациею, какую трудно себѣ представить. Всѣ плакали въ театральной залѣ, и женщины во-всеусыпаніе привѣствовали пѣвца, обращая къ нему слова самыя нѣжныя и вмѣстѣ самыя двусмысленные: *Adio, anima mia... Ricordati di me!* (Прости, душа моя... помни обо мнѣ!).

Въ 1796 г. Кресцентина былъ въ Миланѣ съ г-жею Грассини; онъ тамъ создалъ типическую роль Ромео въ оперѣ *Цингарелли*. На слѣдующій годъ онъ пѣлъ въ Венеціи въ *Горацияхъ Чима* розы, потомъ перекочевалъ въ Вѣну, где и оставался до 1799 г. Черезъ годъ онъ отправился въ Лиссабонъ, где нашесть г-жу Каталини; вторично посѣтивъ Вѣну въ 1805 г., онъ заслужилъ благопріятное для себя вниманіе Наполеона, и на очень выгодныхъ условіяхъ поступилъ въ придворную труппу. У Кресцентини былъ поразительный голосъ mezzo-soprano. Превосходный музыкантъ, онъ щеголялъ взрачною наружностию и былъ хорошій комедіантъ, хотя онъ и былъ человѣкъ, у котораго, по изрѣченію Римскаго права, *capitis diminutio*. Кресцентина былъ несравненный виртуозъ,

блеставшій въ особенности, какъ и его предшественники Гвадані и Наккіаротти, умѣніемъ выражать патетическія чувства. Тотъ, кто слышалъ г-жу Паста въ роли Ромео, можетъ себѣ составить идею, безъ сомнѣнія очень не отчетливую, объ исполненіи г-номъ Кресцентини той же роли, которую онъ самостоятельнно обработалъ, сочинивъ для неї художественную арию—*Ombra adorata*. Достовѣрно известно, что эта ария, будучи образцовымъ отрывкомъ непригодной партии Цингарелли, принадлежитъ Кресцентини. Онъ сочинилъ её въ Реджіо (въ Моденскомъ герцогствѣ), лѣтомъ 1797 г., вмѣсто неудовлетворительной арии, написанной самимъ Цингарелли. Этотъ отрывокъ, вскорѣ речитативъ и cantabile безукоризнены, заставилъ почти забыть партію. Когда представляли на Тюльерійскомъ театрѣ піесу Цингарелли, Кресцентина такъ трогательно пропѣлъ свою арию, что Наполеонъ взволнованъ былъ до слезъ. Онъ наградилъ артиста орденомъ Желѣзной Короны. Этотъ подиагъ щедрости озадачилъ немногихъ прізвѣнныхъ, а г-жа Грассини, какъ бы въ оправданіе своего товарища, замѣтила: *poveretto! gli costa caro* (бѣдняжка! это ему стоять дорого).

Г-жа Грассини была всемогущая пріемоднна привилегированной труппы артистовъ, способныхъ развеселить даже созерцательно-суроый умъ. Наполеонъ всегда хвалилъ ея дарованія и любилъ ея личность. Онъ сблизился съ нею еще въ Италии; она напоминала ему и величественные дни его браннолюбія, и начало его безконечнаго счастія. Очаровательные глаза пѣвицы были для властелина Франціи утреннею звѣздою (*stella*

mattutina), взошедшю въѣстѣ съ зарею его гения. Недаромъ императоръ постоянно угощалъ ей и, казалось, не могъ избавиться этой своей слабости. Онъ прививалъ ёё въ своему трону гирляндами розъ, и, позволяя ей всевозможныя пріхоти, самъ по произволу управлялъ европейскою политикою. Можно непрерывно сказатъ, что весь артистическій міръ Франціи безоговорочно сгибался передъ неограниченными авторитетомъ г.-жи Грассини. Самъ маэстро Паэръ, который вообще не обходился безъ хитрости, долженъ былъ пройти черезъ кавдинское ущелье пѣвицы и, рабски повинуясь ей, быть, какъ говорятъ итальянцы, *ognor fremente.*

Но безгорестное и независимое положеніе г.-жи Грассини не могло быть вѣчно; оно иногда возмущалось ощутительно. Она уже замѣчала какую-то перемѣну въ своихъ отношеніяхъ къ императору. Встревоженная этими обстоятельствомъ, она рѣшилась испытать само дѣльное вождество. Паэръ сочинилъ для неї давъ оперы, *Дидону и Клеопатру*, въ которыхъ играла она главную роль. Въ 1807 г. случилось, что г.-жа Грассини навѣстила Бландини, граціознаго композитора безчисленныхъ canzonette и duettini amorosi, пѣвыхъ во всѣхъ салонахъ Европы. «Мой другъ, она ему сказала, окажите мнѣ услугу, отъ которой зависить спокойствіе моего сердца. Я сегодня играю въ Тюльери роль Клеопатры, и мнѣ хотѣлось бы занести въ эту роль сѣдующіе стихи, которые, сдѣлайте милость, положите на музыку:

Adora i cenni tuoi, queste mio cor fedele;

*Sposa sarò se vuoi, non dubitar di me;
Ma, un sguardo sereno ti chiedo d' amore!*

«Мое сердце всегда будетъ тебѣ вѣрно и покорно. Я буду твою жену, если хочешь; не сомнѣвайся въ вѣрности моей; но, я тебя заклинаю, устреми на меня взоръ полный любви, мира и ясности.» Эти слова обратлены были Клеопатрою къ Цезарю, «и въ продолженіи всего представленія, по увѣренію Бландини, глаза г.-жи Грассини поклонились на императорской ложѣ, тоскливо ожидая, что побѣгитель Египта удостоится бросить на неё свѣтлый взоръ любви.»

Господство г.-жи Грассини кончилось въ 1814 г., и конецъ имперіи повелъ за собою паденіе пѣвицы, которая, увы! такъ-же измѣнила, какъ и самое счастіе, герою, котораго она обожала. Всегда драматичная и чувствительная, примадонна не утерпѣла и стала пѣсть duettini amorosi съ лордомъ Кастилья, который, какъ англичанинъ и первый министръ, имѣлъ не слишкомъ фальшивый голосъ, по свидѣтельству Бландини, аккомпанировавшаго имъ на фортепіано. На интимныхъ вечерахъ у этого сановатаго человѣка, который былъ главнымъ двигателемъ коалиціи противъ Наполеона, часто видѣли г.-жу Грассини; она драпирована была, вмѣсто платья, въ роскошную индійскую шаль, и высоконарно девламировала выбранныя мѣста изъ ролей, эффектно игранныхъ ею на Тюльерійскомъ театрѣ. Герцогъ Веллингтонъ, страстный охотникъ до музыки и пѣвицъ, присутствовалъ на этихъ вечерахъ и восхищался ея пѣніемъ, не разъ усаждавшимъ досугъ Наполеона. Сомні-

тельный герой Ватерлоо не гибвался, что прекрасная Клеопатра говорила ему:

Adora l'cenpi tuo, questo mio cor fedele.

Бландини насъ увѣряетъ, что герцогъ Веллингтонъ не перечилъ ей и со всемъ готовностю раздѣлялъ ея чувства.

Г-жа Грассини перестала пѣть публично съ 1815 г. Ея пора уже миновала. Съ этихъ поръ проживала она то въ Парижѣ, то въ Миланѣ, скромно пользуясь добытымъ состояніемъ, и до поздняго возраста сохраняя слѣды своей красоты и своего таланта. Она умерла въ Миланѣ въ январѣ 1850 г., семидесяти шести лѣтъ, оставивъ посѣдѣя пятьсотъ тысячъ франковъ.

Жозефина Грассини была одною изъ наиболѣе прѣтяющихъ женщинъ своего времени. Средняго роста, стройная и очень хорошаго сложенія, она проникнута была границио и страстию. Ея глаза продолговатые, мягкие и *languidi* открывались мало-по-малу и наливались свѣтомъ по мѣрѣ сотрясенія чувствомъ тоновъ ея проницательнаго голоса. Этотъ голосъ былъ контразто совершенно ровный, сильный и съ тѣмбромъ. Очень слабая музыкантша, она могла разыгрывать только простые и несложные отрывки, свойственные тогдашней музикѣ. Впрочемъ, г-жа Грассини выкупала этотъ существенный недостатокъ своего образования наборомъ музыкальныхъ фразъ и вокализацио звучною и полною—многочисленными украшеніями, произведившими блескъ мелодической идеи, свободной отъ минуры и пустощѣта. Увраженія эти, оживлявшія ткань ея сригинального стиля, были энергическія *appoggiaiture, mordans, delicatesne grupetti,*

которые въ искусстве пѣнія тоже, что на драгоценной вазѣ тонкая и щепетильная гравировка Бенвенуто Чеззини. Проведши почти всю свою жизнь виѣстѣ съ Кресцентіо, г-жа Грассини старалась извлекать собственную пользу изъ пріемѣра этого виртуоза, достойнаго подражанія. Она заимствовала у него методу, наследованную имъ отъ Гвадани, Наккаротти и другихъ сопранистовъ прошлаго вѣка. Понятно, почему выраженіе чувствъ, декламація незатѣйливая и неподдельная характеризовали г-жу Грассини.

«Я имѣлъ удовольствіе, говорить г. Скудо (*), видѣть и слышать г-жу Грассини. Это было въ Парижѣ, въ одной аристократической гостиной, гдѣ она пѣла арию изъ *Горациевъ Чимарозы*.

*Quelle papille tenere
Che brillano d' amore.*

Ея дивный голосъ, который времѧ уже сдѣжало тусклымъ и мрачнымъ, ея широкій, выдержаный стиль и ея несравненная манера фразировать навсегда сохранились у меня въ памяти, какъ образчикъ изящнаго пѣнія. Послѣ встрѣчи съ подобными талантами трудно предаваться энтузіазму, который возбуждаютъ въ наши дни многія музыкальныя посредственности.»

Жизнь г-жи Грассини была жизнью волшебства и очарованія. Молодая, цвѣтущая, страстная и съ запасомъ разныхъ женскихъ тонкостей и хитростей, она будто во снѣ и мечтательно прожила весь свой вѣкъ. Сильные земли оспоривали на вѣсъ золота одинъ ея взоръ, одну ея

(*) Современный намъ рецензентъ, помѣстившій цѣлую статью о г-жѣ Грассини въ *Revue des deux Mondes* за 1852 годъ.

заманчивую улыбку. Ея счастию, казалось, не было предела. Рождennав, во второй половине XVIII ст., невдалекъ отъ Милана, этого благодатнаго уголка Ломбардии, которой крѣпкая и плодородная почва сообщаетъ своимъ дѣтямъ твердую силу душевную, г-жа Грассиви, какъ и г-жа Наста, ея землячка, и г-жа Гризи, ея племянница, бывша пѣвица драматическая въ строгомъ смыслѣ. Больѣ нѣжная чѣмъ умствѣнно-развратая, она не столько руководилась истинными познаніями, сколько своимъ инстинктомъ; вотъ почему она пѣла, какъ солнце испускаетъ огненные лучи съ алмазными брызгами, заввляя тѣмъ жизнь, въ вей кипящую, хотя и безсознательно, подобно птицѣ, которая бываетъ краснорѣшава лишь въ мимолетную пору любовной страсти.

Г-жа Грассини, бывшая одною изъ посѣднихъ и великихъ пѣвоцъ прошлаго столѣтія, осталась, наравнѣ съ г-жею Каталані, чуждою музикѣ Россіи. Съ Креспентіи, своимъ другомъ и учитеlemъ, она принадлежитъ къ тому поколѣнію виртуозовъ, которое занимаетъ средину между Чимарозою и сочинителемъ «Ганкреда и Сивильскаго цирюльника.» Есть портретъ г-жи Грассини, мастерски нарисованный г-жею Лебрѣнъ; онъ хранится въ музѣѣ города Авиньона.

Въ одвомъ собрании, гдѣ была въ г-же Грасини, около 1838 г., въ Парижѣ, представился случай повести рѣчь о Наполеонѣ I и Людовикѣ XVIII. Для шутки допустили, будто бы эти государи, встрѣтившись въ Елисейскихъ поляхъ, разговорились между собою о великихъ событияхъ, которыя совершились въ ихъ времена. Каждый изъ присутствовавшихъ

высказывала свое мнѣніе по поводу этого импровизированного разговора въ царствѣ мертвыхъ. Г-жа Грассини, въ свою очередь, неуловимо наивно замѣтила: «я совершенно увѣрена, что первый вопросъ, сдѣланный королю Людовику XVIII Наполеономъ, былъ слѣдующій: зачѣмъ ты не сохранилъ пенсію, которую я назначила моей бородатой Грассини?» При этой игривой и непринужденной остротѣ, всѣ разразились хохотомъ.

Такъ характерна личность г-жи Грасини, о которой можно утвердительно заключить, что въ исполненіи ея не было ни одной вставки или передѣлки: все было вѣрно музикальной канвѣ и носило болѣе или менѣе опредѣленный характеръ безъ ненужныхъ фiorитуръ. Мы всегда готовы жертвовать частностями въ пользу пѣсни. Мы не видимъ маленькихъ веровностей, когда общаго исполненія не можетъ коснуться осуждение.

Мих. Митровичъ.

Харьковъ, 20 Іюля 1858 г.

ХРОНИКА

Успенская ярмарка. Городской удовольствия. Рысистые беги.

Если въ нынѣшнемъ году не удастася Полтавская-Пльянская ярмарка, то ко-
вчно ничего хорошаго нельзя было
ожидать отъ нашей Успенской. Правда,
въ надеждѣ на авось, а можетъ быть и
по другимъ не меюще уважительнымъ
обстоятельствамъ, товаровъ всякаго ро-
да привезено въ Харьковъ довольно много,
но только требованія на нихъ были очень,
очень плохи, просто ничтожны...

Въ Полтавѣ, какъ видно изъ письма г-на Д., помещеннаго въ № 180 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, по крайней мѣрѣ съ горя хоть веселились въ волшебномъ саду у г. Заруднаго, но въ Харьковѣ не удались и увеселенія: театръ, вокзалъ, американскій циркъ, театръ Дикаго и проч. рѣшительно не могутъ похвастаться достаточнымъ количествомъ посетителей, и потому вѣтъ никакой охоты и говорить даже о городскихъ удовольствіяхъ. Обратимся лучше къ харьковскому ипподрому, на которомъ, 19, 20, 21 и 23 августа, происходили испытанія рысистыхъ лошадей, и скажемъ нѣсколько словъ о лошадяхъ завода Д. Н. Веселовской, на которыхъ главнымъ образомъ остановилось наше вниманіе, какъ на лошадяхъ одного изъ лучшихъ заводовъ Харьковской губерніи.

О существованіи этого завода, равно какъ и о достоинствахъ самыхъ лошадей его мы до нѣкотораго времени знали только по слухамъ. Говорили, что здѣсь разводятся лошади чисто рысистой породы и отличаются красотою, силою и благонравiemъ, но пока это были только слухи. Помнится, въ 1855 и 56 годахъ, намъ дѣйствительно приходилось видѣть на бѣгу двухъ-трехъ хорошихъ лошадей этого завода, но въ прошломъ году темно-срѣдня кобыла *Дѣвица*, род. въ 1854 г. отъ *Молодца* въ *Капитальной*, впослѣдствии оправдала хорошую репутацию завода: имѣя четырехъ соперниковъ, она легко обогнала ихъ, оставила за флагомъ и взяла призъ со славой. Ея красивый складъ, сила, быстрота и правильность бѣга обратили на себя общее вниманіе.

Въ нынѣшнемъ году изъ завода г-жи Веселовской явился, 20 августа, на по-

пѣдромъ тѣмно-бурый жеребецъ *Гетманъ*, род. въ 1853 г. отъ *Надежного* и *Кудри*, — для состязанія на призъ Общества въ 150 р. сер. для лошадей заводовъ Харьковской губерніи. Соперникомъ ему былъ темно-срѣдняй жеребецъ *Лебедь*, род. въ 1854 г. отъ *Бойца* 2-го и *Потьхи*, — давно извѣстнаго завода наследниковъ О. Ф. Шадловской. На долю *Гетмана* выпало въ этомъ году быть представителемъ заводовъ Харьковской губерніи. Не смотря на то, что бѣгъ былъ послѣ большаго дождя, онъ безъ всяаго успія, легко и свободно пробѣжалъ 3 версты въ 6 м. 23 сек., оставилъ *Лебедя* за флагомъ и получилъ призъ. *Гетманъ* чрезвычайно рѣзъ, силенъ, прекрасно сложенъ и отличается удивительною правильностю рысистаго бѣга.

На другой день, т. е. 21 августа, на ипподромѣ явилась получившая съ прошлаго года извѣстность темно-срѣдняя кобыла *Дѣвица*. Не имѣя соперниковъ, она произвольно совершила бѣгъ (3 верст.) въ 6 м. 26 сек., а перебѣжку (2 верст.) въ 4 м. 2 сек., и получила призъ, серебряный, внутри вызолоченный кубокъ въ 150 р. с. —

Вотъ давныя, ясно говорящія въ пользу завода г-жи Веселовской, который, съдовательно, заслуживаетъ особенного вниманія и громкой похвалы....

Чтобы не оставаться въ долгу передъ читателями, прибавимъ, что кроме двухъ призовъ, доставшихся на долю завода г-жи Веселовской, было еще четыре, изъ которыхъ три, въ томъ числѣ и **ИМПЕРАТОРСКІЙ**, получать гнѣдой жеребецъ *Заступникъ*, завода А. Н. Миллера, а остальной призъ выиграть принадлежа-

щій П. О. Кошани воронай жеребець
Полканъ 8-ї завода Л. И. Сенявина.—

Слуховъ.

Харьковъ, 30 Августа 1858 г.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

Г-нъ Д., въ письмѣ своемъ изъ Полтавы
въ Редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомо-
стей (№ 180 С. П. В.), отъ 4-го Августа,
между прочимъ пишетъ:

«Давно уже на югѣ, какъ и на сѣверѣ,
на западѣ и скоро тоже могло случиться
и на востокѣ, иностранцы, покупая
наши товары, назначаютъ и даютъ цѣ-
ны какія имъ захочется. Недавно вы-
шелъ скандалъ. Въ Феодосію пріѣхалъ
главный изъ инженеровъ - строителей
Харьковско-Феодосійской Желѣзной До-
роги и, осматривая мѣсто для будущихъ
складовъ товаровъ въ Феодосіи, - обра-
тился съ такимъ любезнымъ спичемъ къ
горожанамъ: - «Господѣ! Помогайте намъ!
Европа и весь западъ скоро будутъ къ
вамъ въ гости!» (Любезный поклонъ со
стороны горожанъ). - «Васъ засыплютъ
золотомъ, вѣми чудесами современной
роскоши! Вѣрьте мнѣ, господа, Феодосія
будетъ второю Калифорніей!» (Но-
вый и еще болѣе любезный поклонъ горо-
жанъ). - Все это такъ, замѣтили на это
самы западныя газеты: Европа точно
посыпшитъ въ гости въ Феодосію и тѣ-
ко будетъ тамъ сыпаться золото; но
представляется вопросъ: на кого посып-
ляется золото, на Феодосію, или въ окон-
чательномъ разсчетѣ высосетъ его отту-
да лочиста та же гостья Европа?»

«Въ этихъ-то соображеніяхъ наши глав-
ные шерстоводы въ Полтавѣ слѣдись
теперь въ одно подожили не уступая

шерстей за безцѣнокъ, потому только,
что у австрійскихъ жилковъ-маклеровъ
въ карманѣ явилось мало денегъ, сдать
всѣ главныя партіи на храненіе, впредь
до будущихъ лучшихъ цѣнъ, въ Шер-
стяную Акціонерную Харьковскую Ком-
панію. За ними потянулись и мелкие тор-
говцы шерстью. Въ итогѣ вышелъ врем-
еннай кризисъ въ торговлѣ южно-ру-
скою мериновою шерстью; но въ бу-
дущемъ это окажеть великие плоды. Ком-
панія загромоздится складами шерсти;
теперь она перемоется на компанійской
мойкѣ, значить получитъ еще болѣе цѣн-
ности - и тогда край увидитъ, что зна-
чить быть крѣпкимъ въ цѣнахъ съ тѣ-
ми же франко-берлинскими жилковъ-мак-
лерами, бравшими донынѣ 100 на 100
въ покупкѣ нашихъ шерстей. А что они
явятся за нашими шерстами, въ этомъ
не можетъ быть сомнѣнія...»

Въ заключеніе своего письма Г-нъ Д. со-
общаетъ слѣдующее интересное извѣстіе:
«Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ
Землемѣрческой Газеты была описана
экспансіонная машина, вывезенная изъ Ан-
гліи г-мъ Г., кіевскимъ помѣщикомъ, въ
примѣненіе къ нашему краю. Имъ же
вывезена паровая машина, локомобіль,
которая молотить, вѣтъ, мелеть хлѣбъ
и треплютъ яїнъ. Объ этихъ машинахъ
у насъ говорили чудеса; но рѣдко кто
имъ вполнѣ вѣрилъ. Теперь же въ то
время, какъ вончилось это письмо, про-
шелъ слухъ, что г. Г*** самъ привезъ
свою машину на выставку въ Полтаву,
надѣю дѣлаются опыты, и всѣ эти
опыты торжественно оправданы. Нельза-
не призбалуматься надъ нашими судьба-
ми! Въ то время, какъ у нашихъ мноземельныхъ имѣній отнимается значи-

тельная часть живаго, обязательнаго труда, и тѣмъ, кажется, имѣнія должны потерять до 50% стоимости—является явно и тщетно ожидаемый замѣнитель этого труда! Гнѣвъ Г**—говорить—чисто нашъ стеннай, украинскай линки. Имея до 2.000 десятинъ земли, онъ отпуститъ съ изъ юлью людей, себѣ оставитъ однихъ машинистовъ, вѣзти на парѣ въ самъ распраиваетъ своихъ лошадей. Въ Англіи онъ провозъ на заволѣ 9 мѣсяцевъ, указывая требованія мѣстностей нашихъ, въ достіть, что желанная машина наконецъ унасть примѣнена. Онъ же вывезъ оттуда и фабриканта.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Въ среднемъ этажъ каменнаю дома, состоящаго во 2 и части г. Харькова въ Троицкомъ приходѣ, отдаются въ наемъ шесть комнатъ съ кухнею и прочими службами, и въ дворѣ 4 комнаты съ кухнею. Желающіе напечь эти помѣщенія могутъ обратиться къ опекунамъ, Харьковскимъ купцамъ: Василию Сергееву и Ивану Степанову.

2) Продается хуторъ Топольскій по-мѣщика маюра Петра Филонова,—въ 14 verstахъ отъ Харькова, при рѣкѣ Дона, мѣрою въ 50 десятинахъ, въ томъ числѣ 36 десят. лука со спокосомъ, съ мельницами,—съ крестьянами и безъ опыхъ; цѣнѣ можно узнать отъ владельца, живущаго въ томъ же хуторѣ близкѣ селенія Деркачи — 2.

3) Чотчинное графско-сельское правление импнія Его Сиятельства графа Александра Ивановича Генорикова симъ извѣщаютъ, что изъ Графско-Сельскаго конскаго завода будутъ продаваться по при-

мѣру прежніхъ имѣтъ, съ аукциономъ торга, въ Харьковѣ, въ постыдныхъ числахъ сентября 1858 года, рысистые и верховые жеребцы и кобылы. Опись лошади и назначеніе дней для торговъ будутъ публикованы въ свое время особыми обѣявлѣніями.—2.

4) Въ саду почетнаго гражданина Ивана Ивановича Рыжова, состоящемъ въ Харьковѣ при мѣдно-расковочномъ его заводѣ, находится большой выборъ тщательно собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ самыхъ лучшихъ и высшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь и яблонь пятилетнихъ колировокъ и щепъ, которые за излишествомъ могутъ быть продаваемы па мѣстѣ, въ какомъ угодно количествѣ, по выгоднымъ цѣнамъ; о чемъ извѣщаютъ любителей садоводства, г. Рыжовъ проситъ желающихъ адресоваться въ садѣ къ его садовнику.—2.

Отъезжаютъ за границу:

1) Переславскій мѣщанинъ Александръ Николаевъ Кириловъ,—въ Австрію, Германію, Пруссію, Бельгію, Францію и Англію 2.

2) Австрійскій подданный Германъ Марморекъ,—въ Австрію.—2.

3) Австрійскій подданный Василий Фоминъ, съ товарищами Стефаномъ Богомоловымъ и Евгеніемъ Макаровымъ,—въ Молдавію.—2.

О ПРИБХАВШИХЪ И ВЫБХАВШИХЪ.

Отъ 22 по 28 августа прибыли:
изъ г. Изюма, над. сов. Шидловскій;
г. Богодухова, стат. сов. Кованъко; с. Филиппова, над. сов. Почтенный.

ВЪ ВѢХАЛИ:

Въ г. Полтаву, ген.-маюре Григорьеву и дѣйст. стат. сов. Мажаковъ.